

Дмитрий Окрест
Станислав Кувалдин
Евгений Бузев

18+

ПОВСЕДНЕВНАЯ ИСТОРИЯ СССР И РОССИИ
В 1985—1999 ГГ.

ОНА

РАЗВАЛИЛАСЬ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Конец эпохи: 30-летие распада СССР

Евгений Бузев

**Она развалилась.
Повседневная история СССР
и России в 1985-1999 гг.**

«ЭКСМО»

2022

УДК 94(47+57)"1985/1999"
ББК 63.3(2)634

Бузев Е. Ю.

Она развалилась. Повседневная история СССР и России в
1985-1999 гг. / Е. Ю. Бузев — «Эксмо», 2022 — (Конец эпохи:
30-летие распада СССР)

ISBN 978-5-04-162109-4

«Она развалилась» – это уникальный по характеру включенного в него материала сборник, созданный на основе контента из одноимённого паблика ВКонтakte журналистами Евгением Бузевым, Станиславом Кувалдиным и Дмитрием Окрестом. В этой книге вы найдете публицистические статьи и интервью мемуарного характера от самых разных по своим профессиям людей – от первых депутатов и предпринимателей до социологов и альпинистов – о повседневной советской и российской истории с 1985 по 1999 год. Вы увидите эпоху «перестройки и гласности», крах СССР, путч и 90-е годы глазами очевидцев, что, конечно же, поможет расширить представление о таком неоднозначном для нашей страны времени и заставит взглянуть на него с разных сторон. Также в издание включены фотографии из архивов, что сделает экскурсию в недавнее прошлое увлекательнее! В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47+57)"1985/1999"

ББК 63.3(2)634

ISBN 978-5-04-162109-4

© Бузев Е. Ю., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Чтобы не забывали	6
Вспомнить все: предисловие к переизданию	8
Красно-коричневое колесо	10
Предисловие'2021: к юбилею краха СССР	13
#USSRCHAOSSS_economics	15
Привет, капитализм!	15
В рынок с головой	18
Лишь бы страховка не подвела	21
Стояние у Горбатого моста	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Окрест

Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг.

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Владимир Федоренко, Сергей Субботин, Тер-Месропян, Георгий Зельма, Юрий Пирогов, И. Носов, Дмитрий Коробейников, М. Литвинов, Борис Бабанов, Сергей Титов, В.Маевский / РИА Новости

© Государственный исторический музей

© Окрест Д., Кувалдин С., Бузев Е., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Чтобы не забывали

Автор идеи Евгений Бузев об истории создания книги «Она развалилась»

Паблик «Она развалилась», посвященный распаду СССР, существует на базе социальной сети «ВКонтакте» с 2014 года. Это информационный агрегатор, позволяющий собрать на одном ресурсе фотографии, бессистемно разбросанные в Сети, опубликовать забытые мемуары или познакомить подписчиков с неизвестными видеокадрами. Один из основателей проекта Евгений Бузев рассказывает о том, как родилась идея выйти за пределы социальной сети и написать эту книгу.

Историю паблика я рассказывал несколько раз, пришла пора рассказать историю этой книги. Я до сих пор удивляюсь той популярности, которую получил проект «Она развалилась». Удивлялся и тогда, когда мы впервые задумались о том, как выйти за пределы социальной сети, хотя в паблике на тот момент состояло в два раза меньше людей, чем на момент написания этих строк.

Варианты были разные: от магнитиков на холодильник до перевода сообщества в формат сайта. Но идея с книгой показалась наиболее глобальной и, что ли, материальной. Наконец, именно этот вариант позволил аккумулировать хотя бы часть накопленного материала, сделать его ценным не только в развлекательном, но и в историческом смысле.

Как писать? – задумались мы. Грандиозный объем работы не позволял и думать о том, чтобы заняться этим непосредственно администраторам сообщества, у многих из которых к тому же не было опыта журналистской или писательской деятельности. Нанять профессионального автора? Ведь существуют люди, которые специализируются на написании исторического научпопа и издают десятки книг на всевозможные темы. Но я работал в книгоиздании и хорошо знал, что это за люди. Не говоря даже об уровне большинства специалистов такого рода – они привыкли работать для аудитории совсем не нашей. Нас читают люди до тридцати (вот и повод для удивления, ведь получается, что девяностых они почти и не видели, не говоря уж о перестройке). А эти авторы обычно пишут для куда более взрослых людей.

При этом сегодня очевиден интерес к научно-популярной публицистике, регулярно появляются сайты и другие площадки такого рода. От этой мысли мы и оттолкнулись, когда решили привлечь к работе над книгой не профессиональных историков или писателей, а журналистов. Журналист – это профессиональный популяризатор.

И, как я считаю, не прогадали, потому что, когда работа была закончена, я посмотрел на рабочее оглавление и понял, что такую книгу я бы и сам приобрел с удовольствием.

Когда дело дошло уже до конкретного обсуждения творческих планов, мы видели два варианта: учебник по истории перестройки и девяностых годов или же бумажный аналог паблика с отрывочной информацией понемногу обо всем.

Но и первое, и даже второе уже было написано до нас. И мы решили сделать то, что не написано: книгу о забытых девяностых. Какие-то большие, но слишком очевидные темы мы сознательно оставили в стороне, чтобы рассказать о том, что обычно забывают. Например, о войне в Таджикистане у нас гораздо больше, чем о чеченских кампаниях. Политическим кризисом 1993 года мы пожертвовали, чтобы подробно рассказать о величайших в российской истории шахтерских стачках 1998 года. Так что эта книга, во-первых, о том, что забывают учебники.

Во-вторых, когда паблик «набрал вес», то к нам на огонек начали регулярно заглядывать участники тех событий, о которых мы писали. Участники боевых действий, политические активисты, обыватели, даже некоторые забытые уже медиаперсоны, вроде известного националистического деятеля девяностых Александра Баркашова.

Они рассказывали о том, как исторические события были для них повседневной реальностью, поправляли, спорили, а иногда просто ругались. И это второй важный элемент нашей книги – рассказы очевидцев, oral history. Немало страниц мы отвели интервью с людьми, которые или делали историю, или переживали ее день за днем.

При этом мы не оживляем историю, мы не про историю, а про память. Знаменитый французский историк Пьер Нора сформулировал концепцию «мест памяти» – ключевых точек, которые заставляют переживать людей «непрерывное настоящее». Сегодня России не хватает именно памяти, памяти как реакции на события нашего прошлого.

Надеюсь, что книга станет важным элементом очень хрупкой памяти о том не очень большом, но очень насыщенном периоде, о котором сейчас не хотят вспоминать. Память не предполагает идеализации или осуждения. Память – это, прежде всего, уроки и выводы, которые, кстати, могут и меняться. Но чтобы они были, нужно помнить.

Будем помнить вместе.

Евгений Бузев

Вспомнить все: предисловие к переизданию

Для одних развал СССР и сегодня остается «главной геополитической катастрофой XX века», для других – началом новой эпохи и стартом совершенно иной жизни. Сотни читателей до сих пор спрашивают про название проекта: «Почему “Она развалилась”, ее же развалили! Надо говорить: “Ее развалили!”». Но как бы мы не относились к тому, что Советского Союза больше нет, мы должны помнить, что на самом деле это был не конец – ни жизни, ни советской эпохи. Все мы так или иначе живем в пространстве, которое было создано обстоятельствами этого распада и тем, что последовало за ним.

Выросли десятки миллионов людей, которые никогда не жили в СССР и мало что знают о нем. Они задают вопросы и пытаются найти ответы. Что это было? Как к этому относиться? Кто мы по отношению ко всем этим событиям?

Мы не пытаемся дать универсальных ответов – это невозможно: прошлое в нашей стране было и остается способом политической самоидентификации. Почти любой эпизод – от правления Ивана Грозного до Октябрьской революции – это «спорные вопросы истории», вокруг которых не утихают дебаты.

Если говорить о девяностых, то для этой эпохи не существует адекватного языка описания, а только набор расхожих клише. Поэтому нам кажется, что гораздо ценнее описать переживания, травмы и эмоции людей, опыт которых необходим для понимания девяностых. Как отмечал литературный критик Игорь Гулин, эта книга о процессах разложения, брожении умов и тел. То, что получилось – хотя мы к этому и не стремились – во многом источник для будущих исследователей этого периода. Мы лишь одни из тех, кто достанет незначительную, но яркую часть того времени.

В паблике «Она развалилась» и одноименной книге есть истории на любой вкус: история погребальных ритуалов; жизнь и судьба короля бульварной литературы; медиапартизанство журналистов Первого канала. Культовые песни тех лет соседствуют в паблике с фотографиями Первой чеченской войны, забытые перестроечные фильмы мешаются с первыми рекламными роликами. Кто успел родиться до распада, услышав эти термины, легко прокрутит ленту в своей собственной памяти.

Кто родился позже, будет удивляться, рассматривая фотографии «переходного периода» – ОМОН на улицах Риги, дембельский праздник и банкет под евродэнс. Государство и общество оказались на пороге новой и неизвестной истории. Представьте, что это загадочное десятилетие аккуратно разложено по ящикам, полкам и шкафчикам старой бабушкиной «стенки». Раньше содержимое нельзя было трогать, перекладывать или доставать, но оно всегда красовалось на самом видном месте и занимало четверть комнаты. Теперь – все можно достать и пристально рассмотреть.

Помимо выпуска и переиздания «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 годах» мы также успели поучаствовать в подкастах «Россия закрывается», «Изоляция», «Алло, это Тибет?», «Шурави». Придумали сценарий для компьютерной игры «Родина. doc» и документального сериала «Околоперестройка». Издали книгу «Они отвалились: как и почему закончился социализм в Восточной Европе», а сейчас готовим ее аудиоверсию. Готовим к выходу еще одно издание – книгу воспоминаний об уличной политике в стальные нулевые в России. Одним словом, как-то незаметно из паблика во «ВКонтакте» превратились в маленькое экспертное сообщество.

Дмитрий Окрест

Писать преамбулу ко второму изданию – это как писать письмо в прошлое. Семь лет назад появился паблик, пять лет назад вышла книга, а я снова обращаюсь к ним. С тех пор

изменилось многое. И для «Она развалилась» и для меня лично. Так что второго моего предисловия не будет, будет дополнение к единственному.

Паблик оброс подкастами, циклом передач, футболками и всем прочим, чем неизбежно обрастают популярные проекты в социальных сетях. Можно сказать, что мы – те, кто делал сообщество – стали его заложниками, уже не получается бросить, отойти в сторону, кажется, ты всегда будешь каким-то элементом «Она развалилась», которого просят помочь репостом, угрожают физической расправой или которому вот нужно писать это самое предисловие.

Честно говоря, мне давно хочется избавиться от этой роли, что я и сделаю этим текстом. Мода на 1990-е как на часть какой-то идентичности, как своеобразная субкультура, уходит. Она так и осталась модой. Пришло время нормального, публицистического, культурного и научного анализа той поры, других медийных проектов, которыми уже занимается или займется в ближайшем будущем команда «Развалюхи».

Сам паблик, с которого начиналась вся эта эпопея с написанием книг, уже превратился в мемориал, в памятник самому себе, задав стандарт и форматы для многих подобных сообществ уже за пределами одной хиреющей социальной сети.

Быть хранителем памятника – занятие достойное, но мне уже не очень интересное. Я много раз думал, как на меня повлияла та эпоха: перестройка и 1990-е годы. Повлияла сильно, от бытовых до культурных привычек. Сейчас я понимаю, что не только на меня, а на всех-всех, кто сегодня живет на постсоветском пространстве, каждый день новости приносят эхо расстрела Белого дома или штурма Грозного.

Помним мы о нем или нет – прошлое всегда рядом.

Евгений Бузев

30 лет, которые прошли со времени распада Советского Союза, ментально перепахали постсоветское пространство настолько, что само представление о единой стране от Таллина на Балтийском море до Кушки вблизи границы с Афганистаном кажется относящимся даже не к истории, а к мифологии. Тем более что свои «черные» и «белые» мифы об этой единой стране с оценкой благ и ущерба от пребывания в ее составе усиленно формируются в каждом государстве, возникшем на месте СССР, включая и непризнанные. Таким же мифическим временем оказываются, по крайней мере в России, первые годы новой, постсоветской эпохи.

Поскольку с 2000 года в нашей стране начался иной политический период, никак не заканчивающийся и по сию пору, девяностые оказались выделены в отдельный период истории страны, также овеянный своими легендами. Книга не преследовала цели «разоблачения мифов» – скорее, здесь описаны те яркие, живописные или просто примечательные детали той переломной эпохи, которые сделали ее достойной мифотворчества. В ней зафиксированы моменты эффектного разъезжания когда-то единого пространства в разные стороны, которое происходило и в индивидуальных судьбах, и в истории городов, стран и социальных групп. За почти пять лет, прошедшие с первого издания книги, в России стало еще больше принято говорить о трагичности распада СССР (главным образом, связанной с утратой прежней мощи государством со столицей в Москве) и о крае пропасти, на котором, как считается, встала наша страна в 1990-е.

Надеюсь, книга предоставляет читателю возможность оценить, чем фактически наполнялись дни и судьбы на этом самом «краю», а также понять, как виделась «трагичность» современниками событий. Возможно, после этого в оценках захочется пользоваться менее пафосными риторическими приемами, говоря о случившемся чуть проще: она развалилась.

Станислав Кувалдин

Красно-коричневое колесо

Журналист Олег Кашин о важности свободного восприятия истории

Собрание сочинений Солженицына странно смотрится на полке. Меньшая его часть – это то, что сделало Солженицына Солженицыным. Первые три рассказа, два романа и тот самый «опыт художественного исследования». Ранние и поздние вещи. Ну да, для того и существуют собрания сочинений, чтобы мы прочитали, с чего все начиналось и чем все закончилось. Нельзя снимать сливки без молока: и «крохотки», и довольно дикие стихотворные пьесы – это то молоко, которое, очевидно, заслуживает читательского любопытства. Но это сколько еще томов? Два, пускай три. А все остальное – «Красное колесо», которое, в общем, мешает. Неидеальное по исполнению, уплотняющееся от «узла» к «узлу» и срывающееся на хорошо заметную скоропись, оно могло бы иметь ценность, если бы о предреволюционной и революционной России больше никто не писал, а если и писал, то мы бы были лишены возможности прочитать. Сейчас, когда все доступно, такое повествование едва ли имеет ценность, и это читательская досада – обнаруживать, что Солженицын большей частью состоит из «Красного колеса», которое не станешь читать взахлеб и которое не перевернет твоего представления о мире. Без «Архипелага ГУЛАГа» обойтись нельзя, без «Красного колеса» – можно.

И, видимо, стоило бы снабдить какое-нибудь новое его издание подробными примечаниями, но не о министрах и генералах, которые мелькают там, в «узлах», а о том контексте, в котором появлялись, по крайней мере, первые «узлы» – когда автор «Ивана Денисовича» оказался любимым героем шестидесятнической советской интеллигенции, воевавшей с призраком Сталина при помощи призрака Ленина и всерьез желавшей вернуться к, как тогда говорили, «ленинским нормам».

Это был системообразующий дефект всего поколения. Годы спустя мемуаристы списывали его на свою наивность и молодость. Но нет, это был сознательный выбор и сознательный конформистский компромисс, объединивший и молодежь, и ветеранов. Важно понимать, что Сталина развенчал Хрущев, а не Евтушенко и не Твардовский. Более того, есть очень большое подозрение, что, окажись посмертная судьба Сталина в руках не бронебойного номенклатурщика, а творческой интеллигенции, далеко не факт, что поэты и художники решились бы самостоятельно устроить свой «XX съезд»: кого-то остановила бы хранящаяся в серванте лауреатская медаль Сталинской премии, кому-то повезло лично разговаривать с вождем, и тот разговор заставил бы его отнестись к собственному антисталинизму как к предательству, кто-то просто происходил из семьи, многим обязанной воле Сталина. И в итоге вышел бы такой компромисс, в результате которого сейчас на Украине сносили бы не только памятники Ленину, но и памятники Сталину – за прошлые шестьдесят лет их бы никто не тронул.

Я так уверенно рассуждаю об этом, потому что есть исторический факт – на самостоятельный отказ от Ленина советская интеллигенция не решилась. У кого-то папа был старым большевиком, кто-то сам в молодости «Ленина видел» и пронес свой восторг через всю жизнь. Фактор «старых большевиков» нельзя сбрасывать со счетов – к началу шестидесятых эти люди еще были вполне влиятельной группой. Тот же Эренбург, изобретатель слова «оттепель» в известном значении, знал Ленина еще по дореволюционной эмиграции и гордился данным ему Лениным прозвищем «Илья Лохматый» – что, он стал бы ниспровергать Ленина в шестидесятые? Об этом не принято говорить и думать, но советское шестидесятничество, несмотря на всю фронду, было принципиально лоялистским, и даже его антисталинизм – что это, как не следование решениям партийного съезда в духе демократического централизма?

У Солженицына, безусловно, была возможность стать настоящим шестидесятником и, когда с приходом Брежнева борьба с культом личности была сведена на нет, уйти за «Захаром-Калитой», который давал именно такую возможность, в солоухинский мир разрешенного консерватизма. Советские писатели Абрамов, Солженицын и Можаяев приняли участие в конференции ВООПиК – да легко. По большому счету, это и было подвигом Солженицына – не санкционированный на высшем уровне «Иван Денисович», а личная война с Лениным, материальным свидетельством которой (не только ее, конечно) и стало «Красное колесо». Война, в которой на стороне Ленина были и власть, и интеллигенция, а против – да только один Солженицын и был, по крайней мере, тогда.

* * *

В 2013 году исполнилось двадцать лет ельцинскому указу № 1400 и расстрелу Белого дома. В студии телеканала «Дождь»¹ снимали юбилейное ток-шоу. Я сидел на студийной лавочке и слушал, как мои добрые знакомые, товарищи по Болотной и по неприятию Путина вообще – те, которые старше меня на двадцать и более лет, – начиная говорить, вдруг превращались в трансляторов самой циничной пропаганды из девяносто третьего года. Паттерн «Макашов-Баркашов» окажется настолько живучим, что во время украинских событий его возродят в неизменном виде применительно к «Правому сектору»: пропаганде удобно поставить знак равенства между всем протестным движением и фашистами на вторых или третьих ролях. Я сидел и слушал программу «Время» двадцатилетней давности, а потом понял, в чем дело. Это телеканал «Дождь», и на нем вообще-то так можно. Когда его инвестор Александр Винокуров куда-то выдвигался и участвовал в теледебатах, на экране «Дождя» был титр – «Конфликт интересов»: то есть имейте в виду, уважаемые зрители, перед вами не просто кандидат, но и человек, от которого зависит канал, и к его словам надо относиться особенно осторожно, потому что может так случиться, что зависящие от инвестора ведущие и журналисты не решатся его перебить или возразить ему.

Это очень правильный титр, и в ток-шоу о девяносто третьем годе я бы его давал ко всем формально беспристрастным комментаторам – историкам, политологам, деятелям искусства. Конфликт интересов – этот человек в девяносто третьем году работал на государственном телевидении. Конфликт интересов – этот милый профессор в девяносто третьем году был сотрудником Администрации Президента. Конфликт интересов – эта актриса в октябрьскую ночь девяносто третьего года, выступая по телевизору, звала в город танки.

Важно, очень важно ни на секунду не забывать, что наше представление о девяностых – не только о том октябре, но вообще обо всем, что происходило в промежутке между Горбачевым и Путиным, – сейчас во многом формируют буквально те же люди, которые двадцать лет назад были важными действующими лицами, принимали решения или уговаривали нас сделать выбор. У этих людей конфликт интересов, и им всегда будет важно оставаться уверенными в своей тогдашней правоте и заражать нас этой уверенностью. «Повтори, малыш: Макашов-Баркашов», – как бы просит меня седой политолог из того времени, точно так же, как старый большевик в шестьдесят каком-нибудь году говорил юному современнику о плохом Сталине и хорошем Ленине.

Девяностым нужен свой Солженицын, свое «Красное (красно-коричневое? – О. К.) колесо», чтобы старый большевик утерся и не смел больше тиражировать старую ложь. Моно-

¹ «Дождь» включен Минюстом в реестр иностранных СМИ, выполняющих функции иностранного агента. Более 150 российских медиа, НКО, просветительских и благотворительных организаций выступили с требованием отмены дискриминационного законодательства об «иностраннных агентах». Всего за два дня в сентябре 2021 года под петицией оставили свои подписи 100 тысяч человек. Мы солидарны с этими людьми.

полю коллективного «Ельцин-центра» на то, чтобы рассказывать нам о девяностых, должна быть разрушена – без этого нам так и придется до скончания века играть в плохого Путина и хорошего Ельцина, путешествуя по кругу, чередуя оттепели и закручивания гаек. В наших условиях появление постшестидесятического взгляда на ельцинское десятилетие было вопросом не героизма, как во времена «Августа четырнадцатого», а просто времени – надо было дожидаться, когда вырастут подростки девяностых, у которых нет конфликта интересов.

Олег Кашин

Предисловие'2021: к юбилею краха СССР

Книга, выдерживающая больше одного издания – это уже динамический процесс, движение, путешествие по волнам контекста. Какой-нибудь канонический героический текст о начале советской власти, фадеевский «Разгром» или даже «Хождение по мукам», в 1937-м читался как родословная сталинизма, в 1962-м – наоборот, как история о славном времени, к которому хорошо бы вернуться, преодолевая последствия культа, в 1989-м – как рассказ об истоках национальной трагедии, в 2000-м – как не вызывающий серьезных эмоций документ эпохи.

Наше знание о девяностых – процесс такой же динамический, лихое десятилетие до сих пор не нашло себе окончательного места на карте памяти и мечется по ней, то и дело попадая в линии уже современного нам общественного раскола. Консенсуса по отношению к таким временам не бывает, вероятно, никогда, но чем удивительны именно девяностые – у них до сих пор нет сколько-нибудь влиятельной группы поддержки, и объединяющим лозунгом стало что-то вроде «девяностые – это другие» (как «ад это другие»), то есть для каждого первично именно чужое отношение к этому десятилетию, собственное уходит в тень.

Случайная фраза Наины Ельциной про «святые девяностые» не стала знаменем для ностальгирующих, зато моментально превратилась в мем для отрицающей девяностые стороны – у нас часто бывает, что самые ходовые политические идиомы употребляют только со злым сарказмом («кровавый режим», «наши западные партнеры», «хотите, как на Украине?» и т. п.), и «святые девяностые» – в том же ряду: эти слова несопоставимо чаще произносит не завсегдатай «Ельцин-центра», а просоветский камрад, который ничего не забудет и не простит, или нынешний лоялист, ценящий существующие порядки именно на контрасте с девяностыми.

Но и они, отрицатели, предпочтут ироническое «святые», а не серьезное «хорошо, что девяностые прошли», потому что и здесь более органичен злой сарказм – высказывание о том, что девяностые, слава богу, ушли и не вернутся, более типично для иронизирующего блогера-либерала, который этим «слава богу» прокомментирует очередную перестрелку в Москве, или заказное убийство, или проявление народной нищеты.

Политическая ностальгия по девяностым проходит по категории «юмор» – даже если ты всерьез воспринимаешь октябрь 1993-го как положительный эпизод истории (разгром советских реваншистов, победа демократии), заявить об этом лучше посредством демотиватора «Спасибо деду за победу» с Ельциным – любое неироничное и развернутое объяснение непременно зазвучит фальшиво и само сдаст тебя с потрохами. Поэтому – лучше шутить, это не так обязывает; собственно, девяностые такая вещь, за которую меньше всего хочется нести ответственность, кем бы ты ни был – демократом первой волны или красно-коричневым, новым русским или не вписавшимся в рынок.

Или ребенком – и это еще один динамический процесс: прямо сейчас поколение действовавших лиц эпохи уходит в возрастную категорию 70+, а нынешние тридцати-сорокалетние, те, чьим голосом сегодня говорит Россия (медиа, масскульт, политика и даже отчасти уже и власть, которая у нас традиционно старше общества), в девяностые были именно детьми, а от детей история ждет, по крайней мере, первого подхода к переосмыслению, пусть и отягощенному пока и наследственными связями по семейной или учительской линии, и нынешними стереотипами, за каждым из которых прячется заинтересованная группа взрослых современников, и много чем еще, но сама по себе смена поколений благотворна для переосмысления – сын октябрьского танкиста из 1993-го может даже разделять отцовское отношение к Белому дому, но просыпаться ночами от флэшбеков или заливать их водкой уже не станет, «ничего личного». Точно так же и внук русских беженцев из Таджикистана, пусть он и сохранит переданное ему по наследству отношение к таджикам, всерьез страдать о своей судьбе будет вряд

ли – поколенчески он уже не оттуда, и «геополитическая катастрофа», «разделенный народ» для него теперь цитата из актуальной пропаганды, не более.

Для поколения детей девяностые уже вопрос выбора, пусть и осложняемый диалогом с родителями или с теми, кого ценишь, и мы сейчас – очевидцы этого выбора, в котором и драма разделенного народа тридцатилетней давности рифмуется с кровью и дерьмом нынешних Донецка и Минска, и московский ОМОН 1993-го улыбается своим московским и минским наследникам в 2021-м.

В России сейчас положено бороться с фальсификацией истории, и, каким бы бесспорным ни был исходный антифальсификаторский посыл, стоит помнить, что даже новый памятник в Ржеве наследует не триумфу 1945 года, а драматичным спорам самого недавнего времени; еще в конце нулевых, буквально вчера, телевизионный фильм о чудовищных потерях в Ржевской битве сопровождался протестами и ветеранской, и патриотической общественности – но прошло пятнадцать лет, и вчерашняя спорная тема очередным кирпичиком легла в фундамент национальной памяти.

Вспоминая героев Брестской крепости, стоит помнить, что до книги военного журналиста Сергея Смирнова (а это рубеж пятидесятых-шестидесятых) никакой Брестской крепости в массовой памяти не было. И даже ленинградская блокада, бесспорная ныне, шла к своей бесспорности с боями – через политизированное забвение, цензуру, подмену акцентов, и нынешнее наше знание о блокадном городе – родом из ранних восьмидесятых, а вовсе не из сороковых.

Новейшая история так и прорастает – на стыке сегодняшней газеты и археологии, и чем неразделимее в ней добро и зло, чем меньше права на окончательный ответ у любого из очевидцев и соучастников – тем интереснее сейчас. Когда эпоха сожмется до абзаца в параграфе учебника, будет скучно, но уж сейчас-то, когда прежний консенсус рухнул, из его осколков можно составить и программу реванша, и панихиду, и уголовное дело, и мелодраму, и триллер. Даже штамп про время перемен можно подвергнуть ревизии – перемены были при Горбачеве, а то, что после – ну да, обрушившаяся конструкция несколько лет шевелилась по инерции, но время замирало, колебания угасали.

1992 год по плотности судьбоносных новостей кажется мертвым в сравнении с 1991-м – девяностые в какой-то мере потому и были такими ошеломляющими, что в них вдруг перестало происходить все, что было привычным прежде, и новая жизнь потому и была новой, что начиналась в безжизненном пространстве – на руинах политики, на руинах культуры, на руинах быта. Само слово «Россия» приобретало новое значение – в советской системе координат оно пряталось где-то в фольклорно-этнографическом шкафчике, в 1990–91-м стало именем антигорбачевского радикального политического проекта, и только потом началось медленное и странное движение к тому, чтобы Россия стала Отечеством для тех, кто жил в ней или оказался оторван от нее новыми границами.

Какой бы удручающей ни была реальность сейчас, пройденный за тридцать лет путь огромен. Чем дальше от нас стартовая точка, тем более непроходимым кажется путь, но нет повода стесняться неверия или растерянности – да, позади эпоха, про которую никто ничего не понимает, и значит, у каждого теперь есть шанс понять ее первым. Эта книга не дает ответов, но как справочный материал она бесценна.

Олег Кашин

#USSRCHAOSSS_economics

Привет, капитализм!

Финансовый аналитик Владимир Рожанковский об эре кооператоров

19 ноября 1986 года в рамках перестройки советское правительство приняло закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» – частный извоз и репетиторство в свободное от основной работы время стали легальны. В феврале 1987-го принято постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» – советскому человеку впервые со времен НЭПа разрешили заниматься предпринимательством. В марте 1988-го правительство решает, что пора стричь купоны: министр финансов СССР Борис Гостев потребовал «изъятия сверхдоходов». Вскоре выяснилось, что руководитель кооператива «Техника» Артем Тарасов уплатил 180 000 рублей, став таким образом первым легальным советским миллионером.

В мае того же года принят закон «О кооперации», позволявший кооперативам заниматься любыми разрешенными видами деятельности и использовать наемный труд. Экономист Владимир Рожанковский рассказывает о первых шагах новых предпринимателей и проблемах, с которыми столкнулись строители капитализма. С 1996-го он работал в крупнейшем инвестиционном банке HSBC James Capel в Лондоне, затем брокером в США. После возвращения в Москву возглавлял аналитические департаменты ведущих инвестиционных компаний.

Я поступил в Московский энергетический институт в восемьдесят четвертом году. Здесь училось много иностранцев из капстран: Египта, Перу, Боливии, Индии. Мы им заказывали винилы, которые затем на Горбушке расходились на ура. Еще был Комок напротив планетария – это была тусовка меломанов, но с элементами частного предпринимательства. Люди рассчитывали на Комке приобрести пластинку за 10 рублей и затем перезаписать ее на бобины. Хорошим людям, энтузиастам, мы бобины продавали по 5, а плохим – по 10 рублей. Таким образом получали хороший приработок к стипендии, которая не превышала 35–40 рублей в месяц. Для ценителей стали делать красивые коробки для бобин с обложками: фотографировали «Зенитом» оригинальное оформление и распечатывали на цветной бумаге.

Когда в восемьдесят седьмом вернулся из армии, то все уже фарцевали – перед любым университетом располагались так называемые сачки, они же толчки. Рок-музыку уже выпускали на Апрелевском заводе пластинок, но там еще работал худсовет – *Motorhead*, *AC/DC* или *Pink Floyd* найти было трудно. На разрешенный же Beatles был такой спрос, что винилы распределяли между своими, и они не доходили до широкого рынка. Толчки не поощрялись, но профессора и не препятствовали. Оборот был небольшой – бандитов такие мелкие деньги не интересовали. Здесь появились предвестники челночных рейдов: шмоточники приходили со спортивными сумками, откуда доставали вареные джинсы, майки с оригинальными слоганами и дутики (модные тогда дутые куртки). Затем все побежали регистрироваться кооператорами, стали делать пристройки к ларькам мороженого, раскладывали товар перед метро.

Вторым серьезным направлением кооперативной волны стали мастерские, где паяли ушедшие с электронных заводов. Они спаивали светомузыку, собирали из обломков аудио-

системы, восстанавливали сломанную радиотехнику. К девяностому году рубль сильно упал, и знаменитая магнитола *SHARP 777* стала стоить 800 рублей – ну совсем недоступно. Тогда же стоматологи массово бежали из поликлиник, где платили совсем копейки. На старом месте работы они арендовали кабинет и ставили людям пломбы. Вся техника была советская, а материалы для пломб – из Германии. Все окупались буквально за два месяца. Доступ к прочим инициативам простым людям был ограничен: например, поиск работы за рубежом курировался работниками МИД.

Сахар-песок и сухое молоко

До и после у человека, окончившего институт, был ограниченный список перспектив. В Союзе ты банально устраивался на завод и пахал там до смерти, ведь в обмен на лояльность предприятие давало жилплощадь. В перестройку у людей сильно разошлись пути – та эпоха позволяла выбрать свой коридор возможностей. ГКЧП я увидел, когда был в США. Расстрел Верховного Совета телевизор показал мне в Сингапуре.

В США у меня вызвал потрясение даже не Нью-Йорк с небоскребами, а мотивационная атмосфера. Если в Москве спрашивали, где ты учился, то там – что ты умеешь и чем можешь быть полезен. Поразило, как пропускают на улице, ведь *homo soveticus* был озлобленным существом, которое постоянно бегало за дефицитом. Вопрос о том, как заработать, был вторичен для советского человека, так как независимо от количества денег ты не мог просто купить билет в Большой театр. Шанс на талон на «Жигули» у тебя был, только если ты оказал услугу в стиле «ты мне – я тебе».

Пока в стране формировался рынок, стартовала банковская система, приватизировали предприятия, куча моих однокурсников продолжали сидеть на кафедрах в здании со скрипучими полами. «Я боюсь, я не знаю, куда идти, я ведь получил диплом инженера-электрика, я боюсь сменить специализацию», – говорили мне знакомые, словно оправдываясь. Эти консерваторы прозябали всю эпоху, пока дело не дошло до госучреждений, которые тоже начали сокращать.

В девяносто втором году я вернулся в страну – универмаги утратили связь с подрядчиками, и никто не мог найти поставщиков сахара или сухого молока. Пастеризованного молока, которое не скисает, еще не было, поэтому у каждого добропорядочного россиянина стояло на полке килограмма три сухого молока. Большинство посредников хронически оказывались в пролете, так как работали по неправильной схеме. Есть такой анекдот: один сказал, что у него есть вагон сигарет, а другой – что у него есть деньги. Как только договорились, первый пошел искать курево, а второй – бабло. Мы же поняли, что лучше сперва привозить товар в Москву и уже тогда спрашивать универсамы. В условиях нестабильности и спонтанных решений это оказалось выигршной стратегией.

Сейчас рынок узкий и заработать сложно, ведь все цены в интернете легко пробиваются. Тогда же ты сам определял цену: если чувствовал, насколько товар нужен, и понимал, по какой максимальной цене могут выставить на прилавке, то предлагал дороже. Норма прибыли доходила до 60 %. До места товар возили ночью мелкими партиями на легковушках, чтобы избежать ненужных встреч с милицией и бандитами. При этом деньги, несмотря на объемы, сперва возили налом в набитых кейсах – азарт был адский. Потом решили через Сбербанк: в стране был бардак и ходили огромные суммы, поэтому на наши переводы внимания не обращали.

Мы были очень голодными в те годы, и большинство предпочитало инвестировать в пьянки-гулянки. Кто-то, конечно, отнес в оказавшиеся пузырями «Чару» или «МММ», но мне после хорошей сделки больше хотелось купить мужикам коньяк «Наполеон», а девушкам ликер «Amaretto» и конфеты «Fazer». Классовая ненависть была к публичным предпринимателям, работавшим непосредственно с потребителями. У них была хорошая норма прибыли –

они раньше нас купили автомобили, – но я предпочитал мобильность и не оформляться. Все официальные формы собственности рожают ненужный интерес со стороны привыкших жить на ренте. Рейдеры вычисляли предпринимателей, когда те вставали в госреестр.

Крыша

Рэкет стал развиваться, когда начались частные инициативы на госпредприятиях.

Например, на «Тольяттиазоте» часть людей откололась от руководства и сбывала продукцию мимо главных ворот. Другие монопольно поставляли продукцию «АвтоВАЗа» или листовым прогон Череповецкого завода. А, например, братья Черные сибирским алюминиевым заводам предложили толлинговую схему: из их глинозема делался алюминий, который братья затем выкупали, однако рабочие денег не видели. И сегодня фирмы, аффилированные с хозяевами, поставляют в Россию сырье, а вывозят готовую продукцию. В итоге ни глинозем, ни переработка не облагаются пошлинами. Я интересовался этими схемами – хотели присоединиться, но такие вещи трудно промутить, когда тебя не прикрывают.

С девяносто второго работягам выдавали ваучеры их предприятий, подлежащих приватизации. Народ не понимал, что с ними делать, и охотно продавал. Предпринимателям нужно было не только выкупить ваучеры у работников, но и договориться с крышей. Ваучер стоил дешево – червонец, но возможности управлять независимо он не давал. Если ты попытался бы прийти на ЗИЛ с дипломатом ваучеров и сказать, что у тебя треть акций, а значит, ты мажоритарный акционер, то тебя бы вынесли вперед ногами.

Я прорабатывал десятки вариантов с ваучерами, но везде требовалось быть вхожим в круг местной элиты, нужно было дружить с начальником милиции, судебными органами и функционерами партийных ячеек, которые мигом перекрасились в либералов. Затем – договориться о том, кто будет хозяином, и уступить долю. Если же хозяин не годился, то были разные способы убеждения – фильм «Бригада» имеет определенный исторический прообраз. На деле люди задолго до физической сделки знали все расклады. С толком использовать приобретенные ваучеры смогли только «Телетрейд» и «Финансовый попечитель», чей руководитель увлекся православием и сменил имя на Василий Бойко-Великий.

Это неправда, когда говорят, что кооператоры выскочили, как кавалеристы, а после их разведки пошли чиновники. Возможность пройти путь от продажи футболок со смешными надписями до владельца сети бензоколонок – это сказка для романтичности картинки. Серьезные люди занимались заводами, а не продажей джинсов. Все залоговые аукционы по приватизации авторства вице-премьера Анатолия Чубайса были исключительно для своих. Пока кооператоры возили из Турции шмотки, все чиновники и их приближенные шли своим параллельным курсом – у них уже были связи и доступ к активам.

Челнок в лучшем случае мог вырасти в бутик – у таких людей был потолок развития. К девяносто шестому году у нас тоже наметился предел: для масштабирования нужно было легализоваться – то есть подставиться под сборы со стороны крыши. В итоге я принял решение учиться и работать за рубежом. Спорадически я приезжал в Москву, но понимал, что поздно начинать свое дело, ведь сверстники пахали на свои проекты, а я выпал из обоймы. Во время визитов у меня не было ощущения радикальных перемен: люди продолжали оставаться homo soveticus. Только в 2006-м, когда я вернулся, у граждан изменился менталитет – к тому времени они уже вдоволь наездили по заграницам и стали щеголять выражениями типа «что нам тот Запад, нас и здесь неплохо кормят».

Дмитрий Окрест

В рынок с головой

Пенсионерка Лариса Александрова о том, как советские граждане начинали рыночные отношения

Пенсионерка Лариса Александрова – жена кадрового офицера. Вместе с ним она моталась по всему Союзу – от Заполярья и Сибири до Кавказа и Донбасса. После отставки супруг работал на заводе, но решил заняться бизнесом, позитивно оценив кооператорские успехи сыновей. Эта история – типичный рассказ о том, как на фоне безработицы, дефицита и девальвации советские люди, не имевшие прежде предпринимательского опыта, пытались заработать свой первый капитал.

Жили мы на Украине с восемьдесят четвертого года, в апогей перестройки муж вдруг решил брокером стать. Я и слова такого прежде не слышала. Рассчитался с заводом, бросил свой отдел стандартизации и поехал в Киев на курсы. Муж глядел на сыновей, как у них дела пошли, когда кооперативное движение началось, да тоже захотел попробовать. Тогда все сразу стали бизнесменами: видеосалоны, купи-продай сплошное. К примеру, зарплата на заводе была под 120 рублей, а ателье открыл – и уже 800 получаешь.

Обязанности брокера – прийти на завод, где на складе стоят уже ненужные автоматы, оценить их и найти покупателя. Завод отдает, допустим, это старье за 1500, брокер – по 1700, а всю разницу себе. В общем, сколько муж ни находил клиентов, разницу ему директора ни разу не отдавали – их сразу жаба заедала.

Раз поехал в Киев, чтобы договориться насчет перепродажи бензина. Мы должны были получить несколько миллионов за то, что свели покупателя и продавца. Они же как встретились, так и отписали посредников, не дав ни копейки, так муж и вернулся с пустым чемоданом. Накануне поездки он все переживал, что в его новый черный кейс вся сумма не влезет.

Мы, как и все, подписались за отдельное государство, чтобы была независимая Украина. Считалось, что все равно все славянские республики будут в одном союзе. Народ подкупили тем, что разрешили приватизировать квартиры и тем самым стать собственником своего жилья. Раньше ведь только обменять можно было. Как приватизацию разрешили, так уже всем было на все плевать – и на политику, и на промышленность. Вот директор завода получил право приватизации целого предприятия: ему – 51 % акций, а пяти тысячам рабочих – 49 %. Все хотели побыстрее перевести на капитализм.

Народ пошел за эту власть, так как жрать было нечего – вокруг пустые прилавки. Даже председательница поселкового совета ничего не могла купить. За пельменями в столицу ездила – тащила на себе в бабушкином платке. Когда народ узнал о том, как хорошо живет бюрократия со своими талонами, так и захотел изменений. Все захотели снять партию коммунистов и сделать частную собственность.

После краха Союза брокерство у нас не заладилось, зато решили организовать свою фирму. Тут как раз племянник из России, тоже бывший офицер, подогнал на 4 миллиона рублей целый вагон цветных телевизоров «Темп». Сдали в магазины, но деньги пообещали отдать, когда все продадут, – к тому времени на Украине ввели купоны², и деньги подешевели. Только

² В СССР наименование «рубль» на украинский язык переводилось как «карбованец». В 1992 году новой денежной единицей Украины из-за недостатка советских рублей стали купоно-карбованцы, в просторечии «купоны». Вместе с рублями они использовались как параллельные денежные единицы: купоны принимались к уплате за любые товары и услуги, а рубли – только за непродовольственные товары. Среднегодовой курс в 1992 году составлял 135 купонов за одну дойчмарку, но уже к 1995 году за одну марку давали свыше 100 тысяч купонов.

тот нажился, у кого папа в райкоме партии сидел. Вот соседка наша работала на торговой базе, брала детские курточки, чтобы границу пересечь и перепродать. За сами куртки не платила, так как ее родня прикрывала. Офигительная гонка на выживание тогда пошла.

На полученные наконец-таки от универмага деньги купили стиральные машины-полуавтомат, каждая машина по 16 тысяч рублей. Может, и дороже, тогда все расчеты шли в долларах, так как прочие деньги все время скакали. Муж поехал в Донецк, где стиральные машины погрузили в состав, а когда к нам пришли, то вагон уже вскрыли. Железная дорога через пару месяцев страховку выплатила – да только тогда деньги опять обесценились.

Неожиданно муж договорился купить газовые плиты и сдать их в колхоз. Они в качестве части оплаты прислали 10 мешков сахара, но расплатиться за плиты все равно не хватало – пошла опять к подруге из финансового отдела. Да что говорить, все кооперативные эксперименты проводились за счет хаоса и бардака по всей стране. У меня ведь куча друзей, да и язык подвешенный – вот и удавалось договориться. Нам тогда как раз из-за бугра прислали целый вагон теплых одеял – они у нас до сих пор лежат, мы ими картошку укрываем. В общем, прихватила я это одеяло и денег в придачу. Подруга же посоветовала поехать в Москву и договориться с заводом кафельной плитки – вскоре приехал вагон плитки, вот ею мы и расплачивались с кредиторами.

Плитку потихоньку продавали на городском рынке, все хорошо шло, заодно сгущенку и молоко толкали. Но тут нас конкуренты выследили и налоговую инспекцию натравили. В накладной дату не проставили – вот и заплатили штраф, а инспекторы говорят: «Еще раз на рынке появись, так вообще не рассчитаетесь». Отчетность мне приходилось всю делать самой – ради этого пошла на бухгалтерские курсы, но мне все это казалось такой фикцией. Первая же проверка увидит, что у нас вся отчетность шита белыми ниткам. Тут ведь все государственное – плиты, стиралки, телевизоры. А в итоге все это не пошло – одни убытки.

Дохода, если честно, это не приносило, жили же мы за счет военной пенсии мужа и моей зарплаты. К девяносто четвертому году решили уезжать в Россию – и дети поближе, и от греха подальше. Как деньги за квартиру получили, так вечером сели в поезд и уехали. Боялись, что ночью к нам нагрянут. Деньги же распихали в специально сшитый пояс и провезли через границу на себе. Как приехали в Россию, так сожгли всю документацию.

Поселились мы в поселке в ста километрах от Москвы. Здесь же сдали в киоск привезенную сгущенку. На Украине на ней много не заработаешь – разрешалось только 10 % наценку делать. К тому времени в поселке завод закрыли, зарплату никому не платили, молодежь начала караулить палатки, а детские сады, школы, поликлинику – уже все растащили.

Раз встретила на скамейке школьную подругу и спросила, можно ли через нее сахар привезенный продать, а она: «Ради бога, не связывайтесь с моим сыном». Он тогда с пацанами подмял под себя райсовет, конструкторское бюро, милицию и завод. Начали контролировать вскоре и Киевский вокзал, и Дорогомиловский рынок. Через год из-за разборок сына и убили. Младший тоже пошел в мафиози, но далеко не ушел – передознулся наркотиками. Друзья потом установили барельеф с ним в полный рост прямо в квартире подруги.

Сейчас на кладбище в поселке под соснами проложены целые улицы мафиозников. У одной подруги убили сына в гараже, другого – в парке ножиком после кутежа, третьего расстреляли в машине на перекрестке. Страшновато, конечно, было. Когда из поселка после замужества уезжала, то у нас дома образцового содержания были, все в ПТУ стремились учиться на отлично, мечтали инженерами стать. Мы – люди советской закалки – для новой элиты были «старыми русскими», ведь к успеху стремились на шестисотых мерсах «новые русские» в малиновых пиджаках. Выжившие мафиози сейчас в поселке перешли на легальное: теперь контролируют ритуальные услуги. Морг, бригада копателей, продажа цветов – все под ними.

В девяностые денег было мало, считай, совсем почти не было. Но вот подруга вернулась из Москвы и говорит: «Ой, знаешь, я несколько месяцев назад деньги положила в банк

«Тибет»³ и уже получила процент». Я говорю мужу: «Ну а что теряем? У нас 600 долларов есть, так давай поедem и положим». 600 долларов тогда огромная сумма – в месяц на сотку семья могла прожить. В облцентре как раз открыли отделение, солидный договор дали, и уже в первый месяц мы получили процент – такие мы были довольные. На третий месяц приехали получать, а там такая паника – народу уйма, к кассам не протолкнешься, двери штурмуют, все кричат: «Беда, закрывают наш “Тибет”».

Доллары нам так и не вернули, а взамен предложили куртку и три пары джинсов-варенок циклопических размеров, которые до сих пор лежат в шкафу. Джинсы были отечественные – на них без сострадания и не посмотришь. Да и такая возможность была не у всех – нам только как пенсионерам дали возможность зайти на склад и выбрать себе вещи, чтобы возместить ущерб.

«Тибет» обанкротился, здание продавали вместе со всей оргтехникой, а на вырученные деньги, чтобы успокоить людей, привезли товар. В Москве вкладчики и вовсе захватили офис, вскрыли сейфы и все разграбили. Основа «Тибета» была простой – первым платят за счет тех, кто пришел, а последним уже ничего и не остается. В общем, после этого решили больше в бизнес не соваться – не такие все-таки наглые. Муж же нашел работу охранником в Москве – сутки через двое дежурил. Копейка хоть и маленькая, зато стабильная.

Дмитрий Окрест

³ Действовавший в нескольких формах собственности «Тибет» возник как предприятие по сбору лекарственных трав, так как директор Владимир Дрямов увлекался народной медициной и экстрасенсорикой. Вкладчикам пирамиды выплачивалось по 30 % вклада в месяц – от ее действий пострадало свыше 200 тысяч человек. Дрямова арестовали в Греции за угон автомобиля. Российский суд приговорил его к 9 годам заключения.

Лишь бы страховка не подвела

Альпинист Борис Кашевник о советском импортозамещении

7 декабря 1988 года в Армении произошло землетрясение⁴, унесшее жизни 25 тысяч человек. Помощь спасателям оказали сотни альпинистов, у которых прежде здесь проходили сборы. Об уровне технического обеспечения спортсменов и их находчивости в эпоху дефицита рассказал чемпион СССР Борис Кашевник⁵, автор свыше 20 патентов и изобретений.

У нас в альпинизме было много ценного: хорошие традиции, отличные инструкторы, лучшая школа воспитания ответственности и взаимопомощи. Однако в производстве снаряжения к восьмидесятым мы очень отставали от Запада, где оборудованием занималось много частных фирм, причем на достойном уровне. В нашем альпинизме, прямо скажу, не было особо большого разнообразия ни в веревках, ни в креплениях. Отсутствовали, казалось бы, привычные на сегодня вещи, без которых не представишь ныне подъем. В те годы в советском альпинизме даже не было действительно стоящих веревок! Для альплагерей по линии Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов поставлялся лишь 10-миллиметровый рыболовецкий фал. И это тогда, когда европейцы уже свыше десяти лет имели отличные, специально созданные для альпинизма веревки из синтетических волокон. Завидовали мы им со страшной силой!

В начале восьмидесятых годов Управление альпинизмом закупило первое оборудование для производства качественных веревок. Создание снаряжения на постоянной основе у меня началось со спусковых устройств «Букашка», которые были сделаны для экспедиции на Эверест в восемьдесят втором году. В научно-техническом объединении промысловства в Калининграде начались наработки и поиски конструкций веревок, которые можно сделать на наших мощностях. В то время, к сожалению, был очень плохой обмен какой-либо информацией, и не только в области новинок – в пору было бы заниматься промышленным шпионажем. Мы, может, и отставали технологически, но зато было полно своих Кулибиных, готовых придумать из ничего что тебе угодно.

К восемьдесят восьмому перестройка начала буксовать. Горбачев, впрочем, еще более-менее держал штурвал, ну а я по достижении требуемого возраста вышел на пенсию. Пятьдесят пять лет отданы альпинизму, чемпион СССР, был тренером школы инструкторов, руководил сборами Федерации по испытанию снаряжения, провел в горах много «спасаловок» – так что вопрос, чем заняться, передо мной не стоял. И так уже все понятно! Как-никак вся моя жизнь связана с горами, экспедициями, восхождениями – Мамисон, Чанчахи, пик Коммунизма, Ужба, Дыхтау, Пти-Дрю. Так что же удивительного, что, выйдя на пенсию, я решил заняться созданием снаряжения – благо всякие подвязки были.

Уже к восемьдесят девятому году удалось на базе собственного сырья изготовить первую партию. Кроме того, выпустили отечественные «Технические условия» на более-менее приличные веревки. Все испытания новинок проводились на базе наших сборов на Эльбрусе. Тестировали все подряд, в том числе и западное снаряжение, и самодельное, которое привозили курсанты школы инструкторов. До этого все сведения по страховке и снаряжению в условиях железного занавеса мы черпали в основном из переведенной нашими ребятами зарубежной литературы. Однажды пожарные обратились с просьбой создать термостойкую веревку.

⁴ Самое разрушительное землетрясение в истории СССР. Охватило 40 % территории Армении, были разрушены сотни населенных пунктов.

⁵ Кашевник скончался 6 марта 2018 года, не дожив месяца до 90-летия.

Изначально спасатели заимствовали для своих целей традиционное альпинистское и спелеологическое снаряжение. Подумать только, я ведь был уверен, что у кого-кого, а у пожарных есть все – на основе этого я позже создал портативный комплект для самоспасения пожарного.

Многочисленные техногенные катастрофы и Ленинаканское землетрясение в Армении 8 декабря 1988 года привели меня к мысли о разработке специализированного снаряжения в условиях ЧС. То землетрясение – это страшное дело, требовалась массовая эвакуация населения. Помню, была адская нехватка специалистов, так ведь еще и труднодоступность региона. Когда все случилось, то буквально вся альпинистская среда совершенно стихийно, как лавина, рванула туда. Это решение было не остановить! Все бросали дела и мчались помогать. Местность ведь знакомая, каждый из нас не раз там бывал, это не была какая-то отдаленная от нас трагедия, мы знали этих людей, эти перевалы. Добирались попутками, автобусами, любыми средствами, чуть ли не пешком – кто на чем мог.

Тогда-то и познакомилась широкая общественность с нынешним министром обороны Сергеем Шойгу. Он вовремя сориентировался и оперативно привлек спасателей из числа альпинистов. В результате при всей советской неразберихе и при всем разгильдяйстве ситуация все-таки была взята под контроль. Трагедию хорошо описал спелеолог Константин Серафимов в своей книге «Армения – записки спасателя»⁶.

Потом девяностые: инфляция, приватизация, обесценивающиеся деньги, разваливающаяся промышленность. Ничего, руки прокормят! Сначала, конечно, пришлось поработать с теми, кто имел какие-то деньги, с теми, кто предлагал свою помощь. Постепенно стал предпринимателем, если так можно выразиться. Время такое, что каждый старался найти возможность подзаработать. У меня был производственный опыт с сорок третьего года, и еще не были утеряны связи с уже разваливающейся ленинградской промышленностью – вот и был кусок хлеба. Не деньги были столь важны, сколько возможность развивать собственную технику – тем более уже было и соответствующее оборудование. Параллельно работал в альпинистском клубе «Эдельвейс» при Ленинградском институте точной механики и оптики. После падения СССР в погоне за прибылью возводятся жилые здания высотой 150 и более метров. При этом, как показала практика, эвакуировать людей с таких высот действительно не на чем. Да и у бойцов противопожарных подразделений не было ни опыта ведения высотных спасательных работ, ни нужного снаряжения.

Мы ничего не передрали с западных образцов, ведь все разработки доводились до получения патента. Наиболее интересными оказались комплекты «Карусель» для групповой эвакуации неподготовленных людей с больших высот и комплекты для индивидуального вертолетного десантирования спасателей. Сегодня свое, отечественное альпинистское снаряжение разрабатывать дорого и невыгодно. Привезти и перепродать безопаснее, дешевле и проще – хотя и в восьмидесятые, когда не было никакой почти информации, и в голодные девяностые мы предпочитали действовать иначе. Когда-то воин-афганец сказал Горбачеву: «За державу обидно!» Ну что тут еще добавить?

Дмитрий Окрест

⁶ Константин Серафимов. Армения – записки спасателя // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/MEMUARY/QUAKE88/zapiski.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 30.03.2017).

Стояние у Горбатого моста ***Поражение шахтеров в «рельсовой войне»*** ***1998 года на страницах газет***

«Рельсовая война» и стояние шахтеров у Горбатого моста стали одним из заметных и характерных событий весны и лета 1998 года. Это была массовая протестная акция в период, когда власть казалась слабой, была уже почти повсеместно нелюбимой, и, как казалось многим, любой толчок мог заставить ее рухнуть под радостные аплодисменты большинства. Однако все, что могло быть похоже на такой толчок, в итоге оборачивалось либо малоосмысленным и безопасным шумом, либо достаточно быстрыми уступками после удовлетворения минимальных экономических требований. Примерно так произошло и с шахтерскими протестами, которые в какой-то момент – после перекрытия железнодорожных магистралей – действительно создали реальную угрозу функционированию власти и экономики страны.

Сама ситуация, приведшая к началу массовых шахтерских протестов, была понятна и объяснима. Шахтерам в течение многих месяцев задерживали зарплату. К тому же в стране проходила волна закрытия неэффективных шахт, оставляющая горняков без работы. Уже в начале 1998 года ряд шахтеров проводили голодовки и предупредительные акции. Не добившись эффекта, горняки начали задумываться над более радикальными акциями. Первыми на перекрытие магистралей решились на полярном Урале.

Практически сразу акция получила свое название – «рельсовая война». Так, первая большая заметка, посвященная событиям, случившимся 13 мая в Инте и Воркуте, напечатанная в «Известиях» 16 мая (ранее – 14 мая – в газете помещалось лишь краткое сообщение о шахтерских протестах), уже называется «Шахтеры начали “рельсовую войну”». В частности, там сообщалось о волнениях в Инте: «Около полутора тысяч жителей этого заполярного города перекрыли железную дорогу Москва – Воркута в знак протеста против хронических задержек зарплаты. К протестующим шахтерам присоединились бюджетники, работники других предприятий Инты». Также «Известия» написали об «аресте» в собственных кабинетах группами протестующих шахтеров генерального директора ОАО «Воркутауголь» Виктора Экгардта и мэра Воркуты Игоря Шпектора. Именно в Воркуте, судя по сообщению «Известий», были сформулированы политические требования угольных профсоюзов о досрочной отставке Бориса Ельцина, а также о национализации угольной промышленности.

Как ни странно, о состоявшемся 15 мая перекрытии Транссиба в районе Анжеро-Судженска в материале газеты сообщалось в последнюю очередь. Возможно, потому, что в Кузбассе перекрытия случались и раньше. Основным двигателем протеста воспринимался Печорский угольный бассейн. Информация же о перекрытии Транссибирской магистрали была прокомментирована при помощи классического оборота, используемого в том случае, когда корреспондент не представляет, о чем писать: «Сколько продлится начавшаяся блокада и к чему приведет новый бунт на рельсах в Кузбассе, пока предсказать трудно» («Шахтеры начали “рельсовую войну”», «Известия», 16.05.1998).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.